

Елена Бурмистрова

ПЕДАГЕЯ

Елена Бурмистрова

Пелагея

«Автор»

2019

Бурмистрова Е. В.

Пелагея / Е. В. Бурмистрова — «Автор», 2019

Нельзя любить. Нельзя никому открывать свое сердце... Эта книга о трудной судьбе Пелагеи, родившейся в дореволюционной России, в семье однодворцев. Цепляющая за сердце история главной героини раскрывает читателю трагедию утраченной любви и заставляет прочувствовать все жизненные перипетии, в которые попадает Пелагея: революция, раскулачивание, личная трагедия, война... Готовы ли вы ощутить реальность так, как переживала ее главная героиня книги? Книга основана на реальных событиях. Лонг-лист Российской литературной премии в номинации «Писатель года по версии альманаха Российский колокол». Лонг-лист Московской литературной премии Биеннале 2024.

© Бурмистрова Е. В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Елена Бурмистрова Пелагея

Моей несравненной бабушке посвящается...

«...рядомъ находятся землевладельцы изъ дворянъ, происшедшіе отъ одного рода съ крестьянами, но выдѣлившіеся... Шаховцевы. Эта родственная связь не отрицается и самими крупными землевладельцами, несомненно, столбовыми дворянами; подтверждается и тождествомъ фамилій...»

из XIV тома «Юридический Вестник» за 1883 год

Архитектурные строения коттеджного поселка Эдем потихоньку погружались в сумерки. Катерина подошла к окну, задернула шторы и глубоко вздохнула.

– Спокойной ночи, Поля, – сказала она дочери, которая лежала, свернувшись калачиком под одеялом, и собиралась погрузиться в сон.

– Мама, а почему ты меня назвала Полиной? – вдруг спросила дочь.

– Мы с папой так решили. А почему ты спрашиваешь?

– Мне просто интересно. В моем классе нет ни одной Полины. Это же не очень модное имя?

– Это прекрасное имя. Твою прабабушку так звали.

– Ее звали Пелагея.

– Пелагея, Полина, Поля. По-разному звали. Кто раньше об этом задумывался? Трудное было время.

– Я читала, что имя Пелагея – греческого происхождения, а Полина – французского. Мама, а ты ее помнишь?

– Конечно! Я провела с ней много времени и очень ее любила. И твоя тетя тоже ее очень любила. Она много лет жила с бабушкой Полей.

– Мама, я совсем не хочу спать, расскажи мне о ней.

Катерина присела к дочери на кровать.

– Эта история не очень похожа на волшебную сказку, но если ты хочешь ее услышать, я расскажу.

– Очень хочу! А кто она была: барышня или крестьянка?

– Скорее барышня, – улыбнулась Катерина. – Пелагея очень не любила, когда их семью называли крестьянской. Она всегда с гордостью говорила: «Мы – не крестьяне! Мы – однодворцы! У нас были свои рабочие в услужении!» Пелагея очень бережно относилась к своему статусу и происхождению.

– А кто такие однодворцы?

– Однодворцами называли обедневших дворян, если кратко. Они являлись потомками служивых людей, несших дозорную и сторожевую службу на южных границах. Однодворцы просто не успели приобрести права российского дворянства. Служили они как дворяне, а налоги платили как крестьяне. Владеть могли землёй и крепостными крестьянами. Вы еще по истории это не проходили?

– Нет еще! Здорово! Теперь буду знать! Мама, а мы тоже обедневшие дворяне?

Катерина рассмеялась.

– Мы потомки обедневших дворян. Скажем так: мы точно не из крестьянской семьи.

– Ух ты! А герб у нас есть?

– Есть. И он очень красивый. Я тебе завтра покажу. А теперь слушай. Давно это было.

Родилась твоя прабабушка Пелагея в 1907 году....

... – Поля, неси еще воды! Мама рождает! – крикнула бабушка, выглянув из-за занавески, которая отделяла горницу от маленькой комнатки, где сейчас находилась мама.

Пелагея, девочка четырех лет от роду, кинулась за ведром в сени. Ведро было тяжелое. Поля тащила его волоком, поэтому почти вся вода расплескалась по дороге.

– Эх! Тебя только за смертью посылать, – крикнула пожилая женщина, которую Поля совсем не знала. Кто-то говорил, что эта старуха помогает маме родить ребеночка. Воду сунули в печку, чтобы нагреть, а Поле сказали, чтобы не мешалась под ногами. Она быстро залезла на печь и прижалась к стенке.

Печь у Шаховых была добротная. «Сложить хорошую печь – дело непростое», – любил поговаривать ее дед. За это брались далеко не все мужики. Кто не умел в избе печь сложить, соседей просили или из других деревень умельцев звали на подмогу. Секретов было много. Деревянный сруб устанавливали прямо на земле. На него настилали бревна и выкладывали на них днище печи. Днище должно было быть ровным, чтобы выпекаемый хлеб не получился кособоким. Сбоку делали печурки, в которых просушивали варежки и носки. Поля любила забираться на печь и слушать истории, которые ей иногда рассказывала мама.

Поле очень хотелось сестренку. Она лежала на печи и гадала, кто родится. Бабушка научила ее гадать на венике, перебирая прутики. Все время получался мальчик, и она нервничала. Потом все же прутик указал на девочку. Настроение у Поли улучшилось, только было немного страшно, потому что мама громко кричала и плохо выглядела. Поля вдруг испугалась, что мама умрет, и бабушка станет ее мамой. Она даже немного всплакнула. Она не любила бабушку и очень ее боялась. Мама была не такая суровая, рассказывала по вечерам сказки, никогда на нее не кричала.

Сейчас Поля была рада, что от нее больше ничего не требовали. Бабушка строго на нее посмотрела и суровым тоном сказала: «Спать!».

В эту ночь ей приснился странный сон. Ей снилось, что мама родила девочку, а потом еще шесть мальчиков. Поля сидела и смотрела на них сверху с печи и думала, как же мама с ними со всеми справится? И решила, что она, Поля, ей поможет. Она будет с ними играть, кормить и разговаривать. А потом научит их ходить, косить траву, ухаживать за овцами и курами. Она покажет им всем свои сокровенные места, где можно спрятаться, когда ругалась бабушка или отец. Она все им покажет, ведь это ее родные люди. Поля хотела их сразу всех любить, помогать и обнимать крепко-крепко каждый раз, когда будет с ними рядом. Она так расчувствовалась во сне, что расплакалась и проснулась. Поля не могла и подумать, что это был ее первый вещий сон. Вот только любви в ее жизни будет не так уж и много. Этого она тоже пока не знала.

В доме стояла тишина. Поля открыла глаза и посмотрела вниз. На полатах никого не было, взрослые не спали подолгу. Нужно было работать. Однодворцы по большому счету были предоставлены сами себе. И именно такой уклад жизни давал поразительные результаты. Хозяйство Шаховых, как и других однодворцев, несло государственные повинности лишь в виде поставки части урожая по установленным ценам. С таким зерном по качеству не могли конкурировать ни общинные сборы, ни закупки у помещиков. Отец часто говорил: «Работа нас кормит, поит и жить дает. Слушай, дочка!». Поля это очень хорошо усвоила. Она тихонько слезла с печки и заглянула за занавеску, где находилась мама. Мама спала, а рядом с ней лежало что-то завернутое в тряпочку. «Наверное, это ребенок», – подумала Поля и подошла поближе.

– Ты что тут делаешь? – прогремел строгий голос бабушки.

– Я только хотела посмотреть.

– Нечего тут смотреть, мама устала, дай ей поспать, – ответила уже не таким грозным тоном бабушка и повела Полю к столу, где уже стоял чугунок с кашей и свежевыпеченный хлеб. Хлеб так вкусно пах, что у Поли разыгрался аппетит не на шутку.

– Ешь, ешь, пост скоро. Тогда вот тюрю есть будем. А пока ешь, – проговаривала бабушка и почти каждую минуту заглядывала за занавеску, где спала мама.

– Бабушка, а мама родила ребеночка? – тихо спросила Поля.

– Ешь! И за столом мне не разговаривай! – крикнула бабушка и легонько стукнула Полю ложкой по лбу. Нет, ей не было больно. Поля расплакалась от обиды. Она просто хотела узнать, родила ли мама ей сестренку.

– Молоко выпей! – сказала бабушка.

Поля не любила молоко, но выпила почти целую кружку, чтобы бабушка больше не ругалась. Василий, кот, который жил в их семье, подошел к Поле и громко мяукнул. Она налила в тарелочку молока, которое осталось у нее в кружке, и поставила коту на пол. Тут снова прогремел бабушкин голос:

–А ну иди отсюда! Ишь, ходить по молоко вздумал! А ты, – указывая пальцем на Полю, – не привечай его.

Поля, вытерев слезы, села на лавку и попробовала поиграть с котом. Василий обиделся и на ее призывы не отвечал. Он залез под лавку, которая стояла вдалеке от стола и умывался. Тут Поля услышала детский плач.

– Слава Богу! – громко сказала бабушка и подошла к киоту – шкафчику с иконами в красном углу. Она прочитала молитву, несколько раз перекрестилась и пошла к маме за занавеску. Дед пошел за ней.

Через несколько минут в дверь вошел отец. Потрепав дочь за голову, он скинул верхнюю одежду и тоже пошёл проведать жену с ребенком.

Поля ждала, что отец и с ней поговорит, обнимет ее и поцелует, но он вышел из-за занавески, снова оделся и выскочил на улицу, даже не взглянув на дочь. Матвей, отец Поли, ждал первого сына, поэтому относился к дочери равнодушно, а дома об этом говорил с сожалением. Бабушка его успокаивала: «Ничего, нянька будет». Молодому отцу даже немного перепало в деревне от мужиков. «Неча, мол, девок рожать», – высказывали они ему. А он молчал, терпел, а потому, что «так издавна водится». Теперь и впрямь он был раздосадован. Вторую девку родила жена. Что тут скажешь? Хоть на улицу не выходи.

– Матвей, Николке скажи, чтоб дров нарубил! Печь топить нечем, – крикнул вдогонку дед отцу Поли. Николка был при доме прислужником. Отец его Петр занимался землей, а мать Прасковья дом убирала, шила и обеды варила. Шаховы жили под одной крышей с ними и относились к своим крепостным, как к наёмным работникам. Крестьяне однодворцев несли перед государством те же обязанности, что и их владельцы.

Ели в семье хорошо. Часто жарили картофель с мясом. В большие храмовые праздники бабушка с Прасковьей варили студень. Мама вкусно готовила холодец из ног и потрохов. Коровка давала молоко, а бабушка делала из молока вкуснейшую сметану. Поля ее очень любила. Разве что в пост ограничивали себя в питании. Муж Прасковьи в основном за хозяйством живым ухаживал. Кур у семьи только двадцать голов было, лошадка, свиньи, овцы и коровка.

– Погулять иди! Неча дома сидеть! Потеплело на улице, – сказала бабушка Поле.

Поля оделась и вышла во двор. Осенняя красота природы очаровывала ее. Деревня Круглое стояла на холме, вокруг расстились леса, а совсем рядом протекала маленькая речка. Деревенские называли ее Мечка. Говорили, что вытекал этот ручей из реки Красивая Меча. В лес ходили почти каждый день. И только зимой с наступлением мороза ходили деревенские туда только по нужде: дров срубить или поохотиться. Грибов летом тут рождалось полным-полно. А какие вкусные ягоды! Как-то летом мама отпустила Полю в лес с Прасковьей. Поля была так рада и так не хотела уходить из леса, что расплакалась. А весну она любила из-за синих подснежников, которые покрывали всю землю в лесу. Были они с тонкой ножкой и аккуратным колокольчиком. Поля осторожно наступала на землю, словно боялась потревожить этот синий ковер, представляя, что она находится в волшебном лесу. Бабушка говорила, если

Благовещение или Пасха ранняя, нужно найти в лесу первый подснежник, сорвать его и положить под иконами на счастье. Ее воспоминания прервал знакомый голос соседского мальчика.

- Пелагея, ты что тут делаешь?
- Я гуляю, а мама рождает мне сестренку.
- Счастливая, а у меня нет никого. Мама сказала, что ей бы меня поднять.
- Куда поднять? – спросила Поля.
- Не знаю, тяжело ей, но я помогаю. Я уже взрослый. Мне уже шесть лет.
- А у вас работников разве нет?
- Нет, у нас нет. Ладно, Поля, я побежал домой, мама заждалась уже.
- Беги, Коля.

Поля еще немного потопталась на улице и вернулась в дом. Она пробралась к маме и уставилась на ребенка. Мама улыбнулась и сказала:

- Вот, дочка, сестренка у тебя.
- Ой, какая маленькая. А когда я с ней смогу поиграть?
- Рано еще. Не понимает она игр. Вот подрастет немного, тогда и будете играть вместе, а пока можно только с ней нянчиться.

Поля отошла к печке и задумалась. Ей сестренка не понравилась: некрасивая, еще и плачет постоянно. «Если бы я все время лежала с мамой, я бы не плакала», – подумала Поля и полезла на печку. Там она развернула свою куклу, сделанную Прасковьей из тряпок, и стала ее укачивать. Ей снова захотелось плакать, но она сдержалась и стала что-то нашептывать своей кукле.

Лето выдалось жаркое. Сенокос был в самом разгаре. Поля с Аннушкой играли у стога сена, пока все взрослые косили траву.

– Три года тебе уже! А ты со мной поговорить, как следует, не можешь! – смеялась Поля и трепала Аннушку за щечки. Та отворачивалась и бурчала что-то на своём, пока непонятном Поле, языке. Мама снова была беременна, и Поля, как могла, ей помогала. Нянька из нее вышла отличная. Аннушка и сама все время ходила по пятам за старшей сестрой. Но пришла и пора учебы. В их деревне была одна церковно-приходская школа, в которую Полю и отправили. Училась она строго с детьми из таких же семей, семей однодворцев. Уроки у крестьянских детей чаще всего проходили в другой день или в другое время. Закон Божий преподавали каждый день по одному уроку. Церковно-славянский язык изучали 4 часа в неделю, пение и чистописание по 2 часа. Больше всего Поля любила чистописание. Ей нравилось выводить буквы. Она очень старалась и радовалась, когда учитель ее хвалила. Она привязалась к Варваре Павловне, но та в скором времени уехала из деревни. Важнейшей проблемой учительства в Тульской губернии была материальная проблема. Учителям платили мало – 20-30 рублей. На покупку продуктов этого хватало, но промышленные товары уже покупать было не на что. Когда чистописание стал преподавать строгий мужчина в странной одежде, Поля перестала любить этот предмет. Если у детей не получались буквы красивыми, учитель мог даже ударить маленькой плеточкой по рукам. А однажды Поля стала свидетелем кошмарной истории. Ее подруга баловалась и переговаривалась на уроке, учитель сделал ей пару замечаний, но это не подействовало. Тогда он взял ее за косу и вытащил из класса. Вернулась девочка уже без косы. Он просто отрезал ей волосы огромными ножницами в коридоре. Шуму в деревне было много, но учителя не уволили. Ушел он сам через полгода после еще одного вопиющего случая. Мальчик показал учителю язык, тот рассердился и сильно ударил ребёнка. Его отец пригрозил учителю расправой. На следующий день учитель уехал из села, как только рассвело. Очень боялся мести.

Поля любила дни, когда она оставалась дома и играла с Аннушкой, которую домашние почему-то называли Нюрой. Василий тоже любил забираться к ним на печь и лежал, мурлыча даже во сне. Он был неизмеримо ласковым с членами семьи и настороженно относился к чужакам.

В доме у Шаховых каждый год праздновали «Именинника». Эта традиция была почти у всех однодворцев. Когда начиналась осенняя молотья, бабушка первая зажинала сноп и украшала его цветами. Его приносили в дом с песнопениями и молитвами. Бережное хранение первых и последних колосьев урожая, было традицией. Люди свято верили, что колоски наделены магической силой. И в этот раз праздник прошел весело и интересно. В доме были гости. К отцу приехал его друг из города и намеревался остаться ночевать у Шаховых. Они с отцом долго и громко разговаривали, выпивали и смеялись. Бабушка постелила незнакомцу на полу. Когда тот поднялся из-за стола, он нечаянно наступил Василию на лапку. Василий зашипел на него, а незнакомец больно ударил кота ногой.

– Ты теперь на место-то свое не ложишься! – сказала бабушка. – Придется стелить тебе на лавке. Вот тут.

– Почему это? – спросил мужчина.

– А ты не спрашивай, потом поглядишь, – сказал отец и рассмеялся.

Огонь потушили, все улеглись и затихли. Вдруг Василий с печки отчаянно ринулся на место, где должен был улечься его обидчик и стал яростно рвать когтями подушку.

– Теперь понимаешь почему? – громко спросил отец, оттаскивая Василия от разорванной в клочья подушки. – Эх, Василий, зачем вещь порвал хорошую? Прасковье теперь работы прибавится!

– Это что? Это как? – заикаясь, проговорил мужчина. – А если бы я там был?

– С тобой бы случилось то, что и с подушкой. Василий у нас очень злопамятный! Нельзя его обижать. Тем более бить. Отомстит.

– Выкинуть его на улицу! И вся недолга! – сказал мужчина.

– Мой кот умный, а ты ногами размахивай в следующий раз осторожнее!

Поля лежала на печи и гладила Василия, который никак не мог успокоиться. Он дергался, ворочался и вздрагивал.

– Вася, ну зачем ты так разволновался? Ну его, дядьку этого! Видишь, как дышишь, все никак не успокоишься. Все прошло, ты тут, с нами. А дядька уйдет завтра, – шептала ему на ушко Поля.

Василий посмотрел своей любимице в глаза, и Поля увидела слезы. Это были самые настоящие слезы. Поля прижала к себе кота и долго не отпускала. Василий, который терпеть не мог телячьих нежностей, даже не шевелился.

На следующий день Полю ждало страшное испытание. Она пришла из школы, поиграла немного с Аннушкой и хотела уже присесть за уроки, как в доме раздался громкий крик бабушки.

– Ах ты, негодяй! – кричала она. – Иди сюда, быстро! Окаянный! Не жилец ты теперь! За все грехи сразу ответишь!

Поля испугалась, увидев, как бабушка тащит Василия за шкурку на улицу. Отец выбежал за ней. Спустя несколько минут, бабушка зашла домой, подбежала к столу и выбросила в мусор миску со сметаной, в которую Василий и залез.

– Папа, где Василий? – тихонько спросила Поля.

– Пелагея, не задавай лишних вопросов. Лучше сходи с Нюрой погуляй. Присмотри за ней во дворе. Да, в амбар не ходи! Запрещаю.

Девочки вышли на улицу. Аннушка играла с цыплятами, а Поля оглядывалась по сторонам и звала Василия. Кота нигде не было. Потом она попросила Прасковью приглядеть за Аннушкой, а сама пошла в амбар. Ей очень было интересно, почему отец запретил ей туда наве-

дываться. Когда она зашла внутрь, у нее перехватило дыхание. На веревке, посредине амбара висел ее друг, ее Василий. Она рванулась к нему, но когда подошла, то было ясно, что Василия больше нет. Кот не издавал никаких признаков жизни. Заливаясь слезами, Поля сняла кота, обняла его и до вечера сидела с ним в амбаре. Отец несколько раз заходил к ней, но она громко кричала и не хотела расставаться с другом. Потом отец присел рядом с ней и попытался уговорить дочку отдать Василия, чтобы его похоронить. Он ругал себя за то, что не снял животное сам и не спрятал, но самому себе ему было трудно признаться, что он не смог этого сделать. Он не смог дотронуться до мертвого друга, которого и сам очень любил.

Столько Поля еще не плакала в своей жизни. Это было первое серьезное испытание, которое ей пришлось пройти. С той поры Поля изменилась. Она поняла, что в мире есть жестокость. И эта жестокость жила у нее под боком, в их семье. А когда отец через месяц принес с улицы маленького котенка, Поля даже на кота не посмотрела. Зато Аннушка его очень любила и играла с ним охотно.

К зиме у Поли и Аннушки появился братик. Отец был сам не свой от радости. А еще через год мама родила еще одного мальчика. Работы у Поли прибавилось. Аннушка подросла и тоже стремилась помогать. Они вместе нянчились с мальчишками. Рана, нанесенная бабушкой, затянулась, но Поля об этом не забыла. Она тосковала по своему другу, с которым выросла. Василий для нее навсегда остался любимчиком. К новому коту Поля потихоньку привыкла и тоже к нему привязалась. Они называли его Тихоном. Тихон был абсолютно другим. Да все в этом доме становилось другим. Дети росли, выросли. Жизнь менялась. Часто в доме возникали странные разговоры, приходили чужие люди, родители волновались, ссорились. Поля не понимала, в чем дело.

– Все! Три класса окончила и будет! – сказал дед Поли.

Семья собралась за большим столом и приготовилась ужинать.

– Расписываться научилась и отлично! – хмуро сказала бабушка. – Полон дом детей, помогать надобно.

– Арифметике-то научили? – спросил отец.

– Да, мне понравилось считать, – ответила Поля.

– Вот и хорошо, дочка, и достаточно, – тихо сказала мама.

Поля бы и дальше училась. Ей нравилось ходить в школу. Хотя учителя были не все такими любимыми, как Варвара Павловна, но Поле они нравились. Отношение учителей к детям в большинстве своем отличалось доброжелательностью. Наказывать в школе стали редко. За плохое поведение делались замечания, внушения в присутствии товарищей, стояние за партой, Могли и оставить в классе после урока. Если ученик совершал очень плохой поступок, то могли сообщить об этом родителям. Исключение из школы было редким явлением. В классе у Поли таких детей, которые бы постоянно нарушали дисциплину, не было. Учебный день начинался с общей утренней молитвы, сопровождаемой положенными песнопениями. С молитвы начинался и заканчивался каждый урок. Поле нравились песнопения. Все слова она не запоминала, но петь любила. На третьем году ее обучения в школе открылась библиотека. Раз в месяц Поля брала оттуда книги. Книги для внеклассного чтения были или церковного содержания или исторические. Поля брала и те, и другие.

Через несколько месяцев случилось то, что определило школьную судьбу и других детей, которые посещали церковно-приходскую школу деревни Круглое. Их школа имела попечителя. Это был местный купец Круглов. Он оплачивал значительную часть расходов на содержание школы: отопление, ремонт, книги и учебные принадлежности. Но с ним случилась беда. «Взял да и помер», как поговаривали в деревне. Школа осталась без финансирования, и сказали, что ее и вовсе закроют. Так и получилось. Аннушка едва начала обучение, как пришлось закончить. Дед приказал Поле учить младшую сестру всем наукам, коим она сама научилась.

Теперь сестры активно помогали с младшими братьями. Их домашние воспитывали немного по-другому. Этакие «добры молодцы» – отцовы помощники. Кроме трудового воспитания, Сереже и Николке прививали и чёткие моральные принципы: их учили почитать старших, милосердно относиться к нищим и убогим, гостеприимству, уважению.

*** 1917 год принес смуту. В сентябре Поле должно было исполниться десять лет. К этому времени она уже была абсолютно самостоятельной. Уровень благосостояния их семьи повысился, все боялись только одного – того, о чем говорили уже давно. Появились странные слова в обиходе, которые далеко не все крестьяне могли объяснить. Говорили о каких-то стачечных движениях рабочих в Ефремове. Помещики привозили из города московские газеты, где тоже были непонятные для основной массы населения призывы. Крестьяне чувствовали себя потерянными.

Жители Ефремовского уезда ничего не знали о событиях в столице, редакция «Тульской молвы» опубликовала единственное сообщение на четвертой полосе: «Петроградское телеграфное агентство уведомляет, что, будучи занято комиссаром военно-революционного комитета и вооруженными силами, лишено возможности передавать о происходящих событиях». Это было 25 октября 1917 года. До штурма Зимнего дворца оставались считанные часы. Зато в последние дни октября 1917 года «Тульская молва» безостановочно писала о непрекращающейся анархии в уездах.

Еще в марте 1917 года начались аграрные беспорядки. В их деревне они быстро перешли в прямые захваты помещичьих земель, а затем и в погромы. Оздворцев пока не трогали, но мужская половина семьи Шаховых была обеспокоена. Фигура Императора теперь не была центром мироздания в связи с его отречением, но как жить дальше, никто не понимал. Начало сбываться пророчество Достоевского, которое звучало так: «Если бога нет, то все позволено!». Монархия пала, и лозунг «поделить все земли поровну» уже кричали крестьяне во всю глотку. А в итоге – крестьяне ограбили помещиков, бедные – кулаков. А советская власть ограбила всех вместе взятых.

Прасковья с семьей съехала в свой дом. Муж и сын срубили избенку неподалеку от дома Шаховых. Работать на семью Поли Прасковья уже не могла, так как разболелась не на шутку. Да и в свете последних событий это было уже неактуально. А мужчины по привычке еще помогали с землей. Хотя в результате «черного» передела, муж Прасковьи отхватил и себе часть земли. Петр был твердо убежден, что право на землю имеет только тот, кто ее обрабатывает. И считал, что земля является естественным источником пропитания для любой семьи, кто сам может на ней работать.

Вот так и началось разнуздание страны. Сразу же после того как пал царский режим, а Временное правительство не смогло установить реальную власть, деревня практически перестала подчиняться государству. В селе Круглом стала собираться община, на которой решали, кого раскулачить и в какое время. Кулаками называли зажиточных крестьян, использующих наёмный труд. Шаховы попадали в этот список. Какое-то время они держались на том, что больше наемных работников у них не было. Они не использовали их труд на свое благо, но потом в деревне начались недовольства такими семьями. Нанимали? Нанимали! Угнетали? Угнетали! Теперь делитесь!

Поля отметила свой десятилетний день рождения под аккомпанемент скандалов и ругани. Вся семья была на взводе. Община на очередном совете не исключила семейство Шаховых из списка для раскулачивания, о чем в деталях рассказал Матвею Петр.

Аннушка все время была рядом с Полей, и только она вспомнила, что у сестры сегодня день рождения. Она сходила на улицу и принесла Поле веточку рябины. Они залезли на печку, взяли по краюхе хлеба, миску сметаны и яблоки. Аннушка много рассказывала про то, как она вчера играла в саду с соседскими ребятами.

– «Ляпкой¹» был Никитка, представляешь? Он и бегать-то не умеет. Мы бегали и резвились. Я замешкалась, а Никитка изловил меня и закричал: «На тебе ляпку, отдай её другому!»

– А ты?

– А что я? Я быстро бегаю, догнала Марусю. А она начала бегать за нами и никого не могла догнать. Все кричали «Не дашь лепок, не вырастешь с вершок!». И потом мне ее жалко стало.

– Почему?

– Она самая маленькая росточком из нас. А тут еще мы кричим, что не вырастет. Я и поддалась.

– Ты молодец, Аннушка. Молодец, – похвалила ее старшая сестра.

– А у меня есть один секретик. С тобой поделиться?

– Конечно, мне очень интересно.

– У мамы снова будет малыш. Я вчера их разговор с папой подслушала.

– Да ты что?! Правда? Значит и у нас с тобой работы прибавится.

Девочек в деревнях очень рано приучали к труду. С пяти лет Поля уже умела прясть, помогать по дому и на огороде, а самое главное – ухаживать за сестрой и младшими братьями, за домашней птицей и скотиной.

Пелагея, дожив до глубокой старости, никогда не забывала именно этот день рождения. Она даже ощущала этот божественный вкус хлеба с бабушкиной сметаной всякий раз, когда вспоминала этот вечер, проведенный с Аннушкой на печке. Никто больше ее не поздравил. Никто. Никому не было дела до маленькой девочки, отмечающей в душе свое десятилетие. И только ее дорогая сестренка с веточкой рябины в руках стояла у нее перед глазами долгие и долгие годы.

Март 1920 года Поля запомнила, как самый страшный месяц детства. В Тульской губернии началось крестьянское восстание. Утром вся семья вдруг проснулась от звона колоколов. Бабушка подбежала окну и перекрестилась.

– Война что ли началась? – спросила она саму себя.

– Да нет, может заутренняя? – сказал отец.

– Не понимаешь ничего, так сиди! – разозлилась бабушка. Она была очень набожна, знала все церковные праздники и различала колокольный звон. – Звонят беспорядочно, это не служки! Разбойники!

– Может, отпугнет их колокольный-то звон? – тихо спросила мама. Она тоже подошла к окну и смотрела вдаль.

– Да, колокольный звон обладает особой магической силой. Нечистые духи боятся колоколов и, заслышав их звон, улетают как можно дальше. А это бандиты! Их ничто не остановит, – сказала бабушка и перекрестилась. Она подошла к лампаде и зажгла свечу. Поля проснулась и тихонько наблюдала с печки за тем, что происходило в доме. Если было страшно маме и бабушке, то ей сразу становилось еще страшнее.

– Смотрите! Зарево! Горит что-то! – закричал вдруг отец.

– Наша деревня? – спросила бабушка. Она стояла в красном углу возле иконы и молилась.

– Нет, Пушкари, вроде. С той стороны.

– Спаси и сохрани, Господи, – сказала бабушка и три раза поклонилась в пол перед иконой.

В избу громко постучали. Все вздрогнули.

¹ Кличка водящего по жребью (ст. русский)

– Кого это принесло в пять утра?– заворчала бабушка. Она подошла к двери и тихонько ее приоткрыла. За дверью стоял совершенно незнакомый мужчина. Анна вопросительно на него посмотрела.

– Добрые люди, впустите, – прошептал он.

– Ты кто таков будешь? – спросил дед. Он тоже присоединился ко всем неспящим в этом доме.

– Восстание у нас в Пушкарях. Стреляют и убивают.

– А что случилось? – спросила мама.

– Да началось все с коров.

– Каких коров? Да говори ты внятно! – уже закричал дед.

– Реквизировали у нас семь коров, вот народ и поднялся. Собрался на собрании, а там все кричали, что нужно идти и отбивать коров, разоружать отряды. Хватит, мол, грабить нас. Вот отсюда такая беда и вышла. Раненых так много никогда не видел. Мы с товарищами за подмогой прибежали. Меня только избивали, а соседа моего ранили. Мы пока на собрании были, подмога пришла к отрядам. Вот они нас и разогнали. Коров не вернут теперь, жалко. Меня взяли как свидетеля, а я убежал. Говорил я им, что ничего не знаю. Набат услышал и побежал, а они меня привязали и бить начали. Колокол в церкви разбили, ироды. Наши бабы там стоят и плачут.

– Так от нас ты что хочешь? – спросила Анна.

– Тише! Слышите? – прошептал человек.

Все действительно услышали крики, топот конских копыт и стрельбу.

– Мне нужны люди, присоединяйтесь к восстанию. Схорониться мне надо пока у вас, если меня тут найдут, арестуют, как зачинщика.

– Слушай сюда, – сказала Анна. – Спрятать, мы тебя спрячем, пока отряд тут, но к восстанию нас не приплетай. Может, найдешь в крестьянских дворах мужиков, если повезет. В погреб лезь.

Конный отряд кружил по деревне до девяти часов утра. Напугав народ, разрушив зачехотанную пару амбаров, они ускакали прочь. Незнакомец вылез из погреба и отправился агитировать деревенских мужиков. Нашлись и те, кто пошел с ним. На следующий день собравшаяся толпа повела наступление на станцию Воловская, где их уже ждали коммунисты. Железнодорожное полотно было под их контролем. Вечером к станции подошел бронепоезд, его встретили повстанцы. Они предложили людям с бронепоезда сдаться, однако те открыли пулеметный огонь, от которого люди разбежались в панике по домам. Мужики из деревни, которые присоединились к восстанию бежали через лес, не останавливаясь. Когда добрались до дома, собрали всю деревню и рассказывали страсти, которые происходили на железной дороге.

– А нечего воевать. Вояки, Господи, прости, – ворчала бабушка.

– Бабушка, а война и у нас будет? – спросила Поля, когда они вместе готовили холодец.

– Нет, не будет. Навоевались уже.

1924 год ознаменовался для семьи еще одним рождением ребенка. Это был снова мальчик. Отец был горд. У него уже было четыре сына. Пелагея и Аннушка помогали матери по хозяйству, нянчились с детьми. Младшие братья Поли и Аннушки уже выросли для того, чтобы ухаживать за скотиной. Женщинам этого не доверяли. Единственное, что делала мама и бабушка, это кормление и дойка коров и коз. Бабушка еще потихоньку выгоняла животных на пастбище. Сережа и Коленка убирали навоз, чистили животных. Но должны были это делать мальчишки строго под руководством старших. Требования к мальчикам были строже, чем к девочкам, ведь из сыновей должны были вырасти будущие «кормильцы» и защитники. Отец учил сыновей мастерить игрушки из различных материалов, плести короба. Пословица «Учи дитя, пока оно поперек лавки лежит» не была в семье пустым звуком.

Бабушка в последнее время очень сдала. Она часто уставала, пила какие-то настойки из трав и много спала. Еще бабушка стала молиться гораздо чаще. В доме теперь постоянно перед иконами горели свечи. Раньше бабушка зажигала их только по праздникам.

К ней даже пару раз приходила деревенская «ведьма», как ее называли. Она лечила людей, снимала порчу и привораживала женихов. Женщину эту боялись все в деревне. Звали её Параша. Угрюмая она была и нелюдимая. В дом к ней мало кто ходил, а если и кто ходил, то люди в деревне косо на них смотрели и спрашивали друг у друга: «Что ей или ему у Параша делать?». Понимали люди, что просто так к ней не пойдешь, значит, задумал кто недоброе или заболел. Слухи по деревне ходили разные. То кто-то огромную черную кошку видел с красными глазами, то в небе черный дым из трубы её дома вверх кольцами поднимался, то вой из дома слышали. В общем, сторонились Парашу односельчане, боялись. Но были и такие, которые говорили, что Параша от их деревни отогнала тиф в 1918 году. Тогда эпидемия и разразилась в Тульской области. Параша неделю подряд во дворе своего дома разжигала костры и пела песнопения. Эпидемий боялись в деревнях, как огня. Любой слух, что в близлежащем селе началась вспышка какого-то непонятного заболевания, наводил на людей ужас и сеял панику. Для борьбы с заразными заболеваниями нередко даже убивали тех, кто заболел первыми. Убивали изощренным образом – их хоронили заживо. Оправдывали жители деревень свое преступление тем, что их смерть положит конец распространению заразы. Нет человека – нет инфекции.

Полю с колдуньей случай тоже лицом к лицу свел. Несколько лет назад, после трагедии с Василием, Поля стала замечать, что с ее ладонью что-то случилось. Сначала она стала неистово чесаться, потом покрылась сыпью, и к чесотке прибавилась еще и боль. Что только не делали отец и мать с рукой Поли – ничего не помогало. Бабушка травы все перепробовала, припарки и примочки сотнями ставила. Отец возил Полю в районный центр. В больнице руку смазали чем-то очень дурно пахнущим и отправили домой. Рука потихоньку стала заживать. Но через несколько месяцев все повторилось. Поля перестала спать по ночам. Мучительная боль не давала уснуть, а расчесывания оставляли шрамы на ладони.

В один прекрасный день Поля кормила курочек во дворе, мимо шла Параша. Вдруг Поля выронила миску и стала дуть на руку. Приступ начался внезапно. Параша увидела это и зашла в калитку.

– Что это с тобой? – спросила она у Поли.

Поля от ужаса окаменела. В деревне Парашу боялись не только взрослые, но и все дети. Она попыталась спрятать руку за спиной, но колдунья ловким движением поймала Полю за локоть и повернула к себе ладонь.

– Отвернись и не смотри сюда, хорошо?

– Я попробую, – еле живая от страха прошептала Поля.

Что сделала колдунья с ее рукой, девочка не поняла. Но пошла по приказу Параша домой и легла спать.

Спала она долго. Не просто долго, а очень долго. Семья уже запаниковала. Бабушка чуть ли не священника хотела звать. Все думали, что не проснется больше их девочка. Аннушка все время сидела подле нее и гладила за руку. В какой-то момент она позвала мать.

– Мама, смотри, рука-то чистая. Шрамы одни остались. Краснота прошла и язвочки тоже. Там, где до крови было расчесано, ни следа не осталось. Что за чудеса?

– Я глазам своим не верю. Да что же произошло? – воскликнула мама.

– Я не видела. Поля пошла кур кормить. Через несколько минут она вернулась и легла спать. Вот и все.

Поля к вечеру второго дня проснулась бодрая и веселая. Аннушка бросилась к ней и стала ее расспрашивать, как и что. Поля ей и рассказала, что это колдунья ей помогла. Бабушка

сей же час отправилась к Параше домой. Она взяла яиц и сметаны, чтобы подарить ей в знак благодарности. Но Параша сначала ничего не хотела брать.

– Благодарность твою я принимаю, а нести мне ничего не надо. Есть у меня все. Да! Не будет больше у Пелагеи рука болеть.

– Я от чистого сердца тебе принесла. Почему меня обижаешь? – спросила Анна.

– Коли от чистого, ставь на стол. Приму дары твои.

– Что с ней было? Не скажешь?

– Не скажу. Это не мое дело. Поправила я. Не убивайся.

– Спасибо, не забуду я такие дела. Обещаю.

Рука и правда Полю больше не беспокоила. Проходили месяцы, а болезни не было и следа. К шестнадцати годам Поля и вовсе про нее забыла.

Поля уколола палец спицей и посмотрела на руку. Вспомнилась, как мучила ее неизвестная болезнь много лет назад. И каким чудодейственным образом Параша ее излечила. Вдруг в дверь громко постучали. Отец открыл дверь и увидел подругу Пелагеи. Она была бледная, лицо выражало ужас, а губы были ярко-красные. Она оттолкнула отца и пробежала в горницу, где играли дети, и взяла Полю.

– Пелагея, здравствуй.

– Здравствуй, Глаша. Что случилось? Ты сама не своя, – тревожно сказала Поля и встала с лавки.

В это время в комнату вошла Параша.

– Отойди от нее. Слышишь? – сказала она хриплым голосом Глаше.

– Иди, Параша. Мне потолковать с подругой надобно, – нервно сказала девушка.

– Я по-доброму говорю, отойди от нее, – повторила колдунья.

– А что такое? Параша, почему ты так говоришь? Ты меня пугаешь, – почти прошептала

Поля.

– Пелагея, иди в переднюю. Слышишь? И не выходи покамест я с ней не поговорю.

– Я никуда не пойду, пока ты мне не скажешь, что тут такое творится.

– Бешеная она! – скрепя зубы выговорила Параша.

– Что? – почти крикнула Поля.

В это время в горницу забежала Аннушка, за ней появилась мама.

– Стойте, где стоите! – крикнула Параша.

Отец быстро вытолкнул всех из горницы, и вышел сам.

– Поля, дай обниму тебя напоследок, – прошептала Глаша сквозь слезы.

– Глашенька, что с тобой? – тоже прошептала Поля.

– Заболела я, подруга. Сильно заболела. Попрощаться пришла. Скоро мне совсем плохо станет.

– Девка, ты мнительная? – спросила колдунья у Поли.

– Нет, не мнительная.

– Точно ничего себе не надумаешь?

– Нет, Параша, я хочу с ней попрощаться.

– Целовать себя не давай! Слышишь? – пригрозила Параша. – От слюны подальше держись.

В горницу снова зашел отец.

– Глаша, ты бы шла домой, девочка. Нездоровая ты.

Глаша быстро подошла к Поле и крепко ее обняла. Они стояли, обнявшись несколько секунд, в течение которых Поля все время повторяла: «Глашенька, как же так? Как же так?»

Потом вдруг Глаша резко отошла от подруги, глаза ее лихорадочно заблестели, она заматалась по горнице, словно ища выход. Через секунду резко кинулась к двери и выбежала на улицу. На улице слышались крики, визг и плач. Родители Глаши с соседями ее отыскивали. Поля упала на кровать и горько заплакала.

– Параша, откуда ты знала, что она больна? – спросила бабушка колдунью. Она тоже стояла у двери горницы, где произошла эта странная сцена.

– Да поговаривали, что лисы забежали в деревню, видно одна и попалась больная. Вчера Глашка к доктору приходила. За руку, говорит, лиса цапнула. Не трогают лисы людей, если не бешеные. Не трогают.

– Поль, ты как не побоялась обниматься с ней? – прошептала ей на ухо Аннушка.

– Не знаю, не думала ни о чем.

– Ты смелая. А если заболешь?

– Не заболею.

Глашу увезли в районный центр, и через неделю подруги не стало. Поля не заразилась, но пережила вторую за свою жизнь утрату очень тяжело.

Еще и бабушка совсем слегла. Доктор приходил постоянно: то кровь пускал, то рецепты выписывал. Отец ездил в районную больницу за лекарствами. Ничего не помогало.

– Бабуля, давай я с тобой посижу. Почитаю тебе что-нибудь, – предложила в очередной раз Поля.

– Книги мне без надобности, а вот разговор у меня к тебе есть.

– Давай потолкуем, – согласилась Поля.

– Я слышала, Николаем ты увлеклась? Правда? Крестьянский сын он. Помнишь ли ты это?

Поля вся покраснела и опустила голову. Это была чистая правда. Приглянулся ей Николай. Хоть и скрывала она этот факт от домашних, да разве в деревне что утаишь!

На Красную горку все и началось. Молодежь на поляне собиралась. Играли в яйца. Каждый принес свое крашеное яйцо и положил в общую корзинку. Ведущая все яйца перемешала, да и по парам разложила. Так их пара и образовалась. Засмутились оба, но в игру доиграли. Поцеловаться надо было. Николай наклонился и поцеловал Полю в щеку. Она зарделась вся и отвернулась. Но по правилам игры они вместе еще шесть должны были и за другими следить, чтобы не отлынивали от своих обязанностей. Это было так весело! В тот день по деревне гулять пошли, Поля с Николаем от всех немного отстали.

– Красивая ты, Пелагея. Очень красивая! – сказал Николай.

– Перестань, Коля, смотрят на нас.

– А и пусть смотрят! Аль боишься чего?

– Чего мне бояться? Разве что разговоров.

– Разговоры разные бывают. Есть пустое, а есть и по делу.

– По делу это как?

– Вот если я сватов зашлю, что скажешь?

– А ты попробуй! – весело крикнула Поля и побежала вперед, к подругам.

Летом на сенокосе он все поглядывал на Полю, потом предложил помочь сено убирать. А однажды летом пошла Поля в лес с подругами за грибами. Захотелось бабушке супа грибного. Еще Аннушка просилась с ней, да как сердцем Поля почувствовала дурное и не взяла с собой сестру. Так случилось, что она заплутала. Чуть отвлеклась, грибы собирая, оглянулась, а девушки разбежались все. Она пару часов походила по лесу, потом увидела Николая с друзьями. Она так и кинулась ему навстречу. Обнял он ее, и пошли они в деревню. На день рождения платок расшитый ей подарил. Поля его маме показала. Мама приказала спрятать подарок и никому не показывать. Так и лежал он в сундуке на самом дне. Влюбилась Пелагея в

Николая так, что снился он ей каждую ночь. Вечерами Николай нарочно проходил мимо окон дома Шаховых. Поля тихонько стояла у окна и за ним наблюдала. Это были такие волнительные чувства, что Поля думала: «Вот оно счастье. Наконец и у меня случилось».

Но гром прогремел внезапно.

– Ты, девка, дурь из башки-то выбей, не пара он тебе. Все ли поняла? – спокойно сказала бабушка. Поля вздрогнула.

– Бабушка, он сватов засылать хотел. Да и равны мы уже с Никитиными.

– Равны? – крикнула Анна. – Дворянского рода мы! И не забывай об этом. Они – крестьяне лапотные. Даже если по миру с ними пойдём вместе, равными никогда не станем! Никакого согласия моего не будет. Ступай. Сегодня же скажу Шаховым, чтоб сватов присылали. Вот с ними мы равные. За Митьку пойдёшь. Пока жива я, будет так, как я сказала.

Поля почувствовала, что изнутри ее пожирал огонь. Все то, что она себе намечтала, свалилось в глубокую и бездонную пропасть. Снова она была потерянной, несчастной и раздавленной. Как в случае с Василием и с Глашей. Ей было страшно. Митьку она не знала, но говорили, что в семье у них часто бывали драки. А сам Митька, несмотря, на то, что совсем молоденький был, уже самогон попивал с мужиками.

Поля нашла Аннушку во дворе. Сестра играла в снежки с Сережей и Николкой.

– Аннушка, беда у меня.

– Что случилось, душа моя? – встревожилась сестра.

– Замуж меня хотят отдать.

– Так какая ж это беда? Радоваться надо. Поди, заждался он.

– Кто?

– Николай.

– Ох, сестрица милая, нельзя мне за Николая замуж. Бабушка сказала, что за Митьку Шахова отдаст меня.

– За Митьку? Так бедовый он, говорят.

– Зато из дворянского сословия, а Николай крестьянин.

– Маме скажи, отцу пожалуйся. У нас не крепостное право.

Аннушка всегда была готова защитить сестру. Несмотря на то, что она была на четыре года младше Поли, она бросалась на каждого, кто пытался ее обидеть. За словом в карман не лезла, не грубила, но отвечала сурово и категорично. Поля любила Аннушку более всех. Это была единственная родная душа в семье. Никто кроме нее не хотел даже прислушаться к Полиным чувствам. В сердце крепко поселилась тревога, которая разгоралась день ото дня.

– Нет, сестричка, мама будет на бабушкиной стороне, ты же понимаешь. Нет мне счастья, и радости больше нет. Ты знаешь, Николай мне рассказывал, что влюбился в меня, когда ему семь лет было.

– Неужели?

– Так бывает. Только теперь мне уже все равно: что в омут, что в пропасть.

Поля вспомнила, как резвились они на Рождество, как веселились! Народ в деревне широко гулял Святки. С наступлением темноты работать запрещалось, так что веселиться было самое время. В Святые вечера прославляли Бога и совершали разные обряды магического свойства с целью добиться благоденствия и достатка. С утра, в Сочельник, Поля и Аннушка избу убрали, затем оправались париться в бане. А уже вечером начали петь коляду. Пошли по домам с друзьями, нарядились, накрасились. Вот весело-то было! А после строили снежные "города". Снегу навалило прямо под Рождество. Николай все время рядом с Полей был. Ненароком упали вместе в сугроб, там и случился их первый неуклюжий поцелуй. Поля машинально дотронулась до губ и чуть не расплакалась, вспомнив, что потом было.

Николай пошел до избы Полю провожать, а тут их уже отец подждал. Велел дочери в избу зайти, а Николаю слушать его внимательно.

– Ты, Николка, парень хороший, работающий. Знаю, Пелагее муж был бы хороший, да не отдаст тебе ее никто.

– Дядь Матвей, чем я не такой? Я хорошим мужем ей буду.

– Да знаю, я, знаю. Крестьянский ты сын, Николка. Вон оно, в чем дело. Ты не ходи за ней. Сам не горюй, и ей глаза не мозоль.

– А если я сватов пришлю? Выгонишь?

– Выгоню. Сказал я тебе – не отдам за тебя Пелагею. Не обессудь. Просватанная она уже.

– Как просватанная? За кого? – поразился Николай.

– За Митьку Шахова. Уже сватов ждем после праздников.

– А ей сказано это?

– Нет еще, без надобности ей это. Узнает, когда нужно будет.

Поля дома сидела в тот момент ни жива ни мертва. Когда отец вернулся, она его спросила о разговоре, но тот отвечать не стал. Почувствовала Поля недоброе. Сердце заболело.

На следующий день гадать с девушками собрались. Сначала на воск гадали. Все девушки вместе начали топить воск в кружке, затем налили молоко в блюдце и поставили у порога дома. Поля произнесла: «Домовой, хозяин мой, приходи под порог попить молочка, поесть воска». С последними словами вылили в молоко растопленный воск. Девушки замерли и зажмурились. Вот она судьба! Воск у Поли "зацвел" цветком. Подруга засмеялась и сказала ей, что это к свадьбе. Потом посмотрела на свой и испугалась. Воск крестом лег. Все знали, что если воск крест покажет, то болезни это означает тяжелые или смерть. Но в тот вечер все веселились и не знали, какие их ждут испытания. Подруга умерла через полгода от тифа. А Поля зря понадеялась на свадьбу с любимым Николаем. Только вот задумалась она о недобром тогда, когда решила на сапог погадать. Вышла она на улицу и огляделась. Ночь была такая звездная, что казалось небо украсило себя рождественскими огнями. Поля подняла голову к небу и смотрела вверх несколько минут подряд. Затем сняла с левой ноги сапог и кинула его за ворота, наблюдая при этом, куда башмак ляжет носком. Ведь именно в эту сторону она и будет отдана замуж. Сапожок показал носом в обратную сторону от дома Николая. Задумалась было Поля, но потом Аннушка ее успокоила, и они снова веселились почти до утра.

Рождественский пост закончился. В этом месяце ожидалось целых два события: в субботу они всей семьей ехали на свадьбу к родственникам в другую деревню, а в следующее воскресенье должны были прийти сваты.

Раньше Аннушка и Поля очень ждали этой свадьбы. Выходила замуж их троюродная сестра из соседней Кругловки. Теперь Поля уже не так хотела ехать туда, так как за этим событием последует и другое, которого она боялась. В сердце поселилась тоска и страх.

С утра выпало много снега. Дед с отцом запрягли лошадь, а мальчики им помогали. На сани положили черный ковер с яркими цветами. Девушки принарядились и ждали команды садиться – рассаживаться.

– А что, мать, отдадим этот ковер Пелагее в приданое? – прогремел голос отца.

– А и отдадим. Что не отдать то? – засмеялась мама. – Вон какой красивый!

«Мама, ну чему ты радуешься?» – подумала Поля. И вдруг она увидела Парашу.

Женщина шла мимо, закутанная в свою единственную шаль, которую она практически не снимала ни зимой, ни летом. Увидев Полю, она остановилась и подняла руку.

– Параша, меня зовешь? – крикнула Поля.

– Подь сюда, милая, – тоже крикнула издали колдунья.

– Поль, не ходи, сердце недоброе чует, – сказала тихо Аннушка сестре.

– Не бойся, сестричка. Я мигом вернусь.

Поля подошла к колдунье. Параша пристально на нее посмотрела и вздохнула.

– Замуж за Митьку Шахова отдают?

– Да. Только не хочу я.

– Судьба твоя, девка, решена. Хош не хош, а он суженый твой. За ним тебе жизнь куковать придется.

– Разве можно так? Любить не прикажешь.

– Любовь... Любовь забудь свою. Стерпится-слюбится.

– Вот и мама так говорит. А разве правильно это?

– От судьбы еще никто не убежал. Бегать – бегал, а убежать не получилось. Даже я тут бессильна. Могу помочь Николая забыть. Хочешь?

– Нет, Параша, спасибо. Не хочу я. И так ничего радостного у меня нет.

– Так ведь так еще безрадостнее будет. Ну, смотри, как хош. Больше талдычить не буду. Крепись, девка. Жить ты будешь долго, но испытаний у тебя не счесть будет, крепись.

Вдруг они услышали громкий голос отца.

– Параша, нечистая тебя принесла! Отстань от Пелагеи. Ехать нам пора!

Параша повернулась к отцу и прищурилась.

– Экий ты грозный! Куда ехать то? Как? Лошадь твоя падучая.

Сказала это и пошла она по заснеженной тропинке, не попрощавшись с Полей.

Поля вдруг услышала громкий крик мамы, которая стояла рядом с саними. Она смотрела на лошадь и обхватила голову руками. Лошадь делала странные движения ногами, потом упала на одно колено, позже на оба и завалилась на бок. Из рта появилась пена. Отец кидался то к лошади, то к воротам и выкрикивал ругательства.

– Ах ты, ведьма старая! – кричал он. – Богатырь, что с тобой? Дружок, что? Молодой же конь совсем, работяга. Сгубила лошадь, подлая.

– Говорила я тебе, что нельзя с ней ругаться. Говорила! – причитала мама.

На свадьбу поехали на соседской лошади. Настроение было испорчено, пришлось коня добить, чтоб не мучился. Поля с Аннушкой всю дорогу молчали. Аннушка о коне сокрушалась, а Поля все вспоминала слова Параша о судьбе ее незавидной. Лошадь она жалела до боли в сердце, но эту жалость сейчас заглушала еще большая тревога о своей судьбе. «Вот, Василий, сначала ты, потом Глаша, теперь Богатырь, а потом и моя очередь настанет. Помру я в этом замужестве, ох, помру. Врет все Параша. Жалеет меня, вот и врет. Мне крест в воске должен был показаться, а не Наталье, неправильно все», – сокрушалась Поля.

Крестьяне замуж девок отдавали главным образом по осени. Расчет был простой: перед началом работ весной выдавать замуж рабочую силу из семьи – это все равно, что продать дойную корову. Но однодворцы этому правилу не следовали, и поэтому все Шаховы отгуляли на веселой свадьбе в соседней деревне сразу после рождественского поста.

Каждого гостя угощали пивом, водкой и пирогами. Молодые парни, женщины пели свадебные и плясовые песни, под которые молодежь плясала, а пожилые, рассевшись группами, вели беседу о жизни. Жених почти все время сидел за столом молча, ничего не ел,пил очень мало. «Наверное, его тоже насильно женили», – думала Поля, сидя одна в уголке и обдумывая свою неминуемую участь.

Ночью Поля глаз не сомкнула. Часов с пяти утра мама уже возилась у печки, и Поля встала ей помогать. На глазах у нее были слезы.

– А ты, дочка, смирись. Митя хороший парень, красивый. Девки на деревне за ним все бегают.

– А он за девками бегают, – ответила Поля.

– Не плачь, все образуется. Полюбишь ты его, вот увидишь.

– Я Николая люблю. А Митя с Настей гуляет.

– И это образуется. Забудется любовь твоя, и он забудет. Вот крест тебе даю, все забудется. Ты на смотринах не осрамись. Обещай мне.

– Мама, я сделаю, как вы скажете, но на погибель это все мне.

– Не говори так, дочка, не надо. Вон там лежат полотенца и сорочки. Полотенца сватам поднесешь, а свекрови своей будущей и золовкам (их трое) – сорочки подаришь. Если все гладко пройдет, то через два дня смотрины с женихом устроим. Бабушку не расстраивай. Совсем плохая стала она. Не переживет она позора. Делай, как полагается.

– А как полагается? Замуж на погибель?

– Дочка, все решили уже. Чего сердце рвать?

– А почему не подождать до осени? К чему спешка?

– Бабушка настаивает. Она боится, что не доживет до осени.

Жених не стал по обычаю оставаться дома, а приехал со сватами. В избу его не впустили, тоже по обычаю, оставили у окна стоять. С Полей Дмитрий не был знаком. Встречаться в деревне встречались, но гуляли по разным дворам. О красоте Пелагеи он был наслышан. И ему просто было интересно вблизи на нее посмотреть. Жениться на Поле у него не было никакого желания. Любил он Анастасию, которая жила с ним по соседству. Хотел по осени к ней сватов засылать, но Егор, его отец, строго сказал свое «нет». Хотя именно ему говорить своему сыну «нет» было большее всего. Свою историю он помнил хорошо и в мельчайших подробностях. Любил он в свое время самую красивую девушку из их деревни Дарью. На беду она тоже была бедной крестьянкой, еще и в услужении у соседа напротив. Когда время пришло, Егор поклонился до пола родителям и попросил их заслать сватов к Дарье. Мать ахнула и пошла к иконе молиться. Отец выслушал и сначала спокойно сказал:

– Не бывать этому браку.

– Почему – спросил сын.

– Ты на крепостной крестьянке собрался жениться?

– Я собрался на Дарье жениться. Мне все равно, кто она.

– Ты пойми, сынок, что неравный брак в нашей семье быть не может.

– Отец, выслушай меня...

– Не о чем разговаривать!

Но когда Егор начал настаивать, разговор перешел в ссору.

– Делай со мной, что хочешь, – кричал Егор, – А я все равно женюсь на Дарье.

– Что хош говоришь? Что хош? – вскипел отец.

После этих слов отец схватил сына за шиворот, вытащил на улицу и потащил волоком в амбар. Там снял с крючка вожжи и так «отходил» ими сына за непослушание, что Егор еле жив остался. Сутки он лежал в амбаре обиженный, раздавленный и плачущий, кляня судьбу свою напроклин. Мать постоянно прибегала в амбар к сыну проведать, как он там себя чувствует после отцовской взбучки. Она плакала и просила Егора повиноваться и смириться. Егор молчал, стиснув зубы, чтобы еще и матери не наговорить лишнего. Он ел, принесенную матерью еду, но так и не проронил ни одного слова. На следующий день отец зашел в амбар и приказал Егору идти работать. Так и закончился первый бунт неудавшегося жениха. Через месяц, ничего не говоря Егору, отец сосватал ему в жены дочку своего друга Феклу. Она была не из красавиц. Ее огненно-рыжие волосы пугали народ, а веснушки, которыми было усыпано не только все лицо, но и все тело, служили предметом насмешек над ней. Егора чуть не хватил удар, когда он узнал, на ком ему предстояло жениться. Он даже подумывал о том, чтобы разорвать с семьей все связи, тайно сбежать с Дарьей в город, затеряться там среди толпы, жить так, как они мечтали. Но их план провалился. Дарье было 16 лет, ее такая страшная перспектива пугала. К тому же она была очень набожна. Сбежать с мужчиной и жить с ним без венчания она считала великим грехом. Егора поженили. Он несколько месяцев не подходил к своей

жене вообще. Спали молодожены в разных постелях, пока об этом не узнал его отец. Он снова устроил сыну такой скандал, что Егор в эту же ночь пришел к Фекле и остался с ней. Они прожили пятнадцать лет пусть не очень счастливо, но терпимо. Фекла оказалась очень заботливой, услужливой и с чувством юмора. Егору нравилось обсуждать с ней и личные планы, и деревенские новости. Для себя он сделал вывод, что внешняя красота не самое главное для жены и смирился. У них родилось семеро детей, но в первую эпидемию тифа Фекла умерла. Егор горевал абсолютно без притворства. Смотреть несколько лет ни на кого в деревне не мог. Однажды к ним в село зашли «ходоки». «Ходоками» называли погорельцев, которым в то время не предоставляли жилье после пожарищ, не давали денег, не собирали средства на восстановление дома всем миром. Им оставалось только сниматься с места и ходить по окружающим деревням в поисках еды, работы и, если повезет, жилья. Таисия была одной из этих несчастных. Красавица и умница, купеческая дочка, потеряла в пожаре семью и дом. Никого спасти не удалось. Сама девушка в тот момент была на посиделках у подруг. Так она осталась одна, без близких и без крова. Ей пришлось присоединиться к людям, которых постигла та же участь. Она постучала в дом Шаховых и попросила немного еды или денег. Егор увидел ее и проникся чувством жалости. Позже к этому чувству прибавилась еще и симпатия. Таисия осталась в его доме сначала на правах кухарки, а уж потом на правах жены. Егор знал, что сын не уймется, но разрешить ему жениться на крестьянке он не мог. Он с грустью вздохнул, вспомнив свою историю и выругался.

*** Аннушка расчесывала Поле волосы и приговаривала: – Какие же у тебя косы! Я тебе завидую. У меня не такие длинные и густые. – Зато ты очень красивая! – Это ты у нас красавица. Поля, а если отказаться? Я слышала, что Аксинья, соседка наша, отказала сватам. – И что? Теперь вся деревня на нее пальцами тычет! И родителям позор. Нет, сестричка, я маме обещала, покорюсь я воле родителей. Не буду смуту сеять. Бабушка вон как болеет. – Бабушка нас никогда не любила. Ты ей ничего не должна. – Революционерка ты моя, как же я рада, что ты у меня есть. – И я рада, только грустно мне. Уведет этот противный Митька тебя от меня. Одна я останусь совсем.

– Почему ты так говоришь? Братья есть, скоро еще один ребеночек появится. Мама то опять ляльку ждет.

– Откуда знаешь?

– Она сама мне сказала вчера.

– Хоть бы девочку родила. Мальчишки одни.

– А если и девочка, то что? Когда она подрастет, тебе уже замуж будет пора выходить, а не в игрушки играть. Помогать будешь. Совсем маме трудно будет. Отца нет – целый день в колхозе, бабушка слегла совсем. Мама говорит, что и до свадьбы моей не доживет. Бойтся она очень. Мальчишки, конечно, старшие помогают, но им тоже твердая рука нужна. Вот ты и будешь у них главная.

– Заболтались мы, сваты уже приехали. Слышишь?

– А что? Мне все равно куда выходить, слава Богу, не надо. Только подать сорочки. Договорятся, значит через пару дней только смотрины.

– Что такое смотрины?

– Жених невесту рассматривать будет.

Сестры посмотрели друг на друга и рассмеялись. Потом Поля обхватила голову руками и расплакалась. «Горе мне, горе, как же я буду жить? Как? Аннушка, сестричка моя любимая, одна я там буду совсем, помру я, точно помру», – думала Поля.

Войдя в избу и перекрестившись на образа, сваты остановились у порога входной двери. По обычаю ожидали, пока хозяин дома не скажет: “Милости просим, садитесь на лавку, вам честь и место”. Когда услышали голос отца Поли, ответил старший сват: “Я приехал не садиться, а породниться. У вас есть пшеница да красная девица, а у нас есть рожь да молодец

хорош. Так не можно ли раньше, чем сесть, их в одно место свесть?» После этих слов гостей пригласили сесть за стол. Сватов непременно нужно было угостить. Мама и Поля наготовили много разной еды. Родители жениха привезли огромный пирог. По традиции, если все прошло гладко, пирог разрезали и ели все вместе, если сватовство не получилось, пирог не разрезали, а сваты его уносили с собой. Сначала за столом разговор шёл на посторонние темы, а уже потом стали говорить по существу. Когда договорились о главном, стали обсуждать свадебные приготовления. Пока сваты сидели в доме невесты, подружки Пелагеи собрались у окон и дверей ее избы и подслушивали, что говорят; когда услышали, что дано согласие, разошлись по домам.

Жених был хорошо знаком семье невесты, поэтому на второй день после сватовства назначили смотрины. Дмитрий так в сенях и просидел весь обед, ругая себя, зачем поехал с родителями. Сидел бы дома сейчас и ждал, что расскажут о сватовстве. Настроение у него было отвратительное. Настя плакала, укоряла его. А что он мог сделать? Родители решили, значит и все тут.

*** Пелагея, одетая в своё самое лучшее платье, вышла на середину избы. Дмитрий взял ее за руку, и они прошли по комнате, чтобы присутствующие ими полюбовались. После этого мать жениха подошла к сундуку и стала перебирать приданое Поля, чтобы оценить её рукоделие. Посмотрев ее вышивки и шитье, она улыбнулась и кивнула в знак согласия головой. Дед взял гармошку и запел веселую песню. Это означало, что сговор состоялся, и свадьбе быть. Пока за столом сидели, обо всем договорились: о дне проведения свадьбы, размерах приданого, количестве гостей. Затем все присутствующие стали перед иконами на общую молитву. Бабушка вышла из своей комнатки и встала на колени вместе со всеми. Ее лицо выражало благодать. После молитвы молодожёнов благословили родители, Поля и Дмитрий трижды поцеловались. Затем бабушка подошла к Поле и закрыла ей лицо платком, который символизировал её отделение от прежней, девичьей жизни. Платок очень скоро стал мокрый от слез, но этого никто не заметил. После того, как о дне венчания договорились, снова песни петь начали. Вдруг в избы ввалился Митяй и закричал: «Бабы, замолчите, горе у нас! Настя в амбаре мертвая лежит. Сама убилась. Горе-то какое!». Гармошка стихла, в избе тоже стало тихо. Дмитрий опустился на лавку и сжал кулаки. Еле слышно он произнес: «Не прощу, никому не прощу, слышите? Никогда не прощу». Потом он встал с лавки и ринулся к двери.

– Куда? – прогремел голос его отца. – А ну сядь! Без тебя разберутся. В дом к Настасьи не ходить. Запрещаю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.